

И.Г. Спасский и история с приобретением «русского нобля»

В.Е. Шлапинский

Середина апреля 1974 года. Теплая львовская весенняя ночь. Я, инженер-геофизик Владимир Шлапинский, нумизмат-любитель, 31 года от роду, лечу в Ленинград. Два с половиной часа лету — и самолет в Питере. Город на Неве встретил двухградусным морозом и пронизывающим до костей ветром. То, ради чего я мерзну, добираясь до Эрмитажа, — в кармане брюк. В обыкновенной пластиковой коробке от часов. Это золотая монета веса двойного дуката. Мы с братом приобрели ее осенью 1973 года у знакомого коллекционера:

— Ось Вам, хлопци, монета — вивчайтэ ии дви нэ-дили. Як пидийдэ, будэмо дали говорыты. Згода?

— Мы согласны.

Вечером в субботу после клуба сел изучать монету. Опыта у меня было маловато. Вроде бы нобль. Видел такие монеты в какой-то английской книге по нумизматике. На лицевой стороне — рыцарь или правитель в ладье, на оборотной — крест. С виду нобль как нобль, но странный. Между «плечами» креста должны быть изображены леопарды и круговая латинская надпись, а тут непонятное мне зверьё (единороги) и легенда совершенно нечитаемая. Часа два крутил, вертел, так ничего и не разобрал, терзаемый мыслями, лег спать. Утром проснулся, схватил лупу и прочитал не латинские, а русские плотно упакованные буквы:

«КОРБЕАНІКЪ КНЗ ВЕЛІКОГО ІВАНА ВАСІЛЬЄВИЧА ВСЕА РУСІ І ЄГО» — это на аверсе, а на оборотной стороне: «СНАВЛІКОГО КНЗ ІВАНА ІВАНОВІЧА ВЕЛІ».

Ну дела! Хотя я и был в нумизматике «ноль с небольшим», но почувствовал, что такая монета в «живом» виде неизвестна. О существовании гордости нумизматической коллекции Эрмитажа, так называемого «русского» угорского, я к тому времени уже знал, благодаря «Русской монетной системе» И.Г. Спасского. Понял, что корабельник-нобль из той же оперы — подражание и наверняка это большая редкость. Что делать? Полгода раздумий и наконец принято решение: меняться с Эрмитажем.

И вот уже я из зала, где «Петр на троне», поднимаюсь по лестнице в отдел нумизматики. Несколько шагов и дорогу преграждает тесемочка из красного бархата. Решительно перешагиваю ее и слышу укориз-

ненный голос худощавого человека, идущего навстречу (В.М. Потина):

— Молодой человек! Отдел нумизматики закрыт для посетителей. Вам кого?

— Мне Ивана Георгиевича Спасского.

— Вот на площадке — внутренний телефон. Звоните.

Звоню, сообщаю, что прилетел из Львова. Прошу разрешения переговорить. Через две-три минуты сверху спускается И.Г. Спасский. Он невысокого роста, на нем скромный костюм. Невольно думаю — похож не на всемирно известного ученого-нумизмата, а на простого служащего в совучреждении. Обмениваемся приветствиями.

— У Вас ко мне дело какого рода?

— Хочу показать Вам монету.

Открываю коробку. Рассматриваем.

— Да ведь это обыкновенный нобль и к тому же продырявленный.

— Нобль-то нобль. Но не английский, а русский.

Смотрит недоверчиво.

— Как вы сказали?

Изучает монету более внимательно. Молчит с полминуты. Дрожат руки. Еще бы! Для него это как материализация духов, ведь о существовании такой монеты догадывались.

Наконец говорит:

— Вот теперь я со спокойной совестью могу умирать.

Молчим оба.

— Что думаете делать с монетой?

— Хочу, чтобы она оказалась в коллекции Эрмитажа в обмен на польские талеры.

— Хорошо, вернитесь домой и составьте список монет.

Составить такой список было нетрудно. Из иллюстраций к книге польского нумизмата И. Загурского мы с братом выбрали самые редкие талеры Речи Посполитой.

Ответ оказался неутешительным. Дублей этих монет не было в наличии, а единичные экземпляры Эрмитаж не имел права обменивать. «К сожалению, в полном соответствии с Вашим списком в фонде наших дублетов удалось выбрать... Явно интересующей Вас Польши, как видите, мало. Это понятно и объясняется

совпадением Ваших интересов с интересами Гуттен-Чапского. В 1860–1870 гг. в первый раз в истории Эрмитажа, за то что он несколько лет разбирал польскую коллекцию и составил несколько томов её каталога, ему было разрешено Александром II выкупить все дубликаты...». Составлен новый список. В конце августа я лечу в Ленинград. Необходимо передать корабельник на временное хранение в Эрмитаж, чтобы музей мог организовать авторитетную экспертизу для установления его подлинности. Сдаю монету И.Г. Спасскому под расписку. Впрочем, даже после весьма короткого нашего общения я был уверен, что этому человеку можно доверить любую монету и без документа. Настоящий интеллигент, исключительно корректный и доброжелательный. Спрашивает: «Откуда у Вас эта монета, каково ее происхождение?» Мне приходится врать, что получил ее с братом в наследство от бабушки. Конечно, это «бабушкины сказки», но признаться в том, что эта монета куплена — не могу. Страшно. За окном был 1974 год. Для нумизмата-коллекционера даже слово «золото» «пахло» криминалом.

29 октября 1974 года. Львов. Получено письмо от И.Г. Спасского: «На днях возвратился из отпуска и принялся за остановившиеся дела, в том числе и за корабельник. Его слепок тем временем побывал в Москве, видели его крупнейшие специалисты (в том числе Б.А. Рыбаков, Л.В. Черепнин и В.Л. Янин — В.Ш.), вполне одобрили, мы и без них не сомневались в подлинности, но для обращения в Министерство высокие звания экспертов не помешают».

29 ноября — очередное письмо: «На днях директор Эрмитажа ездил в Москву на годовое собрание Ака-

демии Наук и захватил с собою все бумаги насчет корабельника, которые передал в Министерство. Теперь нам остается ожидать ответа, в получении которого я сразу же уведомя Вас. Надеюсь, что дело обернется быстро». И действительно, 18 декабря следует новая информация: «из Министерства культуры СССР получено разрешение зам. Министра на обмен. Посылаю Вам копию полученного приказа... Итак, ожидаю Вашего звонка и приезда, надеюсь, что все будет завершено до Нового Года!!!»

Разворачиваю находящийся в конверте вместе с письмом лист бумаги. Это копия приказа, адресованного директору Гос. Эрмитажа Б.Б. Пиотровскому: «Министерство Культуры СССР разрешает Государственному Эрмитажу приобрести уникальную золотую монету Ивана III у коллекционера Шлапинского В.Е. в обмен на 22 серебряные монеты из дублетного фонда отдела нумизматики Государственного Эрмитажа».

«г. Москва, 3 декабря 1974 г.» Подпись — В.И. Попов (заместитель министра).

Через несколько дней я связался по телефону с И.Г. Спасским. Мой вылет в Ленинград откладывался. После этого звонка были еще, кажется, два. И вот 28 декабря он сообщил мне, что можно приезжать. Я вновь в Эрмитаже. Подписаны все нужные документы. Обмен состоялся. Все присутствующие сотрудники Эрмитажа пожимают друг другу руки. Искренне радуется даже уборщица. Протягиваю И.Г. Спасскому книгу его авторства «Русская монетная система». Он улыбается и своим размашистым почерком пишет: «В.Е. Шлапинскому память о дне 30 декабря 1974 г.».

Аукцион в «Гелосе»

28 мая 2004 года в помещении Антикварно-Аукционного дома «Гелос» состоялся Коллекционный нумизматический аукцион №25.

Вниманию потенциальных покупателей были представлены 245 лотов основного стринга и 24 лота дополнительного. Самым старшим из монет, выставленных на аукцион, стал полуполтинник 1654 года Алексея Михайловича (1645–1676), отчеканенный на талере (старт = \$ 7000, не продан).

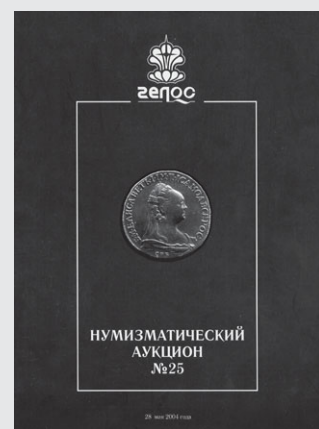
Короткое время правления Петра III (1762 г. с 6 января по 28 июля) было представлено всего тремя лотами, но они остались без внимания покупателей.

Наиболее представительными по количеству заявленных монет стали следующие периоды правления:

<i>Петр I</i>	— 30 экз. (+ 8 доп. стринг) — 19 из них проданы
<i>Елизавета Петровна</i>	— 38 (+2) — 16 из них проданы
<i>Екатерина II</i>	— 28 (+2) — 10 из них проданы
<i>Николай I</i>	— 31 (+3) — 21 из них проданы
<i>Николай II</i>	— 32 (+2) — 21 из них проданы.

При этом лот №159 (Николая I, 1825–1855) был продан за максимальную на этом аукционе сумму \$ 18.000.

Это — 12 рублей 1835 г. СПб. Платина. Тираж 127 штук.

Лот № 159